

Когда Цзянь Мо вернулась домой, то увидела, как её сын яростно отчитывает мелкого Мэн Эня:

— Что я тебе говорил? Ты должен слушаться меня! Пока не зажили твои раны, просто лежи и читай! Лежи, и что-нибудь читай! Не надо слоняться по всему дому!

— Сяо Юань, что за тон ты используешь?! — мама Цзянь непонимающе уставилась на сына, что размахивал какой-то тряпкой перед лицом Эня.

— Мама, не вмешивайся! — сын холодно глянул на Цзянь Мо. Но потом всё же смягчился и спросил: — Ты в порядке?

А маме Цзянь на самом деле сложно было воспринимать совсем другого сына. Слишком резкая перемена в поведении за одни сутки. Она несколько секунд раздражённо смотрела на своего ребёнка, но потом выдохнула и с улыбкой ответила:

— Я в порядке! Просто сделаем операцию. Клиника лучшая в стране, подобных операций они провели множество, так что откладывать не будем, и завтра я поеду в больницу.

Хотя старые производственные линии, безусловно, важны, но не так, как её собственная жизнь. Мама Цзянь решила сначала пойти на операцию, а потом уже думать о чём-то другом.

— Хорошо, — кивнул сын и отбросил странную тряпку в угол. Снова уставился на Мэн Эня. — Здесь есть люди, что убираются в доме ежедневно. Так что даже не думай ещё раз брать в руки эту дрянь. Вернулся в комнату и сел за учебники!

Вообще, рядом с комнатой Хань Чунъюаня есть рабочий кабинет, но Мэн Эню там делать нечего. Старший чуть ли не за руку отвёл Эня в спальню и вручил свой набор учебных материалов по английскому языку.

— Чтобы хорошо знать язык, нужно говорить на нём! Больше и чаще!

— Хорошо, — закивал Мэн Энь и с благодарностью посмотрел на старосту.

Вот такой взгляд Ханя очень обрадовал. Когда Мэн Энь взялся за учебники, староста подхватил свой рюкзак, ушёл на балкон и задёрнул за собой штору. Там он устроился в кресле под лучами закатного солнца и открыл дневник Мэн Эня.

Конечно, он знал, что некрасиво заглядывать в чужие дневники, но ему хотелось знать всё о маленьком Эне, и никто не сможет ему помешать.

Дневник мелкого — это просто толстая школьная тетрадь в плотной обложке, но на первой странице дарственная надпись. Видимо, от учителя:

«Я хочу, чтобы Мэн Эня приняли в Среднюю школу Хунцай! Господин Ло».

И самая первая запись была о Хань Чунъюане. Это история о регистрации в Среднюю школу. Хань Чунъюань вообще не помнит того случая, но легко представил себе эту сцену.

Сто юаней для него — мелочь. Ему было просто жаль мелкого мальчишку, поэтому он поделился. А что касается сэков... В те дни были популярны романы цикла «Королевство Кимчи», где постоянно говорили о сэках всех видов. В итоге по утрам стол принца школы был завален всякими вкусными подарками — бенто, шоколадками и сэками.

Он такое не ел, но и выбрасывать было неловко, поэтому... Хань Чунъюань раздавал их своим друзьям горстями. Это была такая ерунда, но Мэн Энь запомнил надолго.

Хань Чунъюань с довольным видом листал дневник и улыбался, в сотый раз встречая своё имя.

У Мэн Эня не хватило смелости заговорить с ним или подарить что-то, как делали многие ученицы школы. Он даже не осмеливался подходить к его школьному классу.

Но когда Хань Чунъюань стал вести утреннюю зарядку для всей школы — это был праздник для мелкого. Он был так рад видеть своего айдола, что расписал несколько страниц об этом ярком событии. Позже старался не пропускать ни одного утра в школе.

А когда Хань получал очередную медаль или грамоту, то Мэн Энь в восторге писал об этом целые абзацы счастливых поздравлений и восхищений Ханем. Он радовался как щенок — беззаветно и искренне.

«В будущем надо постараться не ругать его слишком часто», — покивал сам себе Хань Чунъюань.

Он засунул в дневник вырванные страницы, потом пошёл в свой кабинет, достал из сейфа шкатулку из красного дерева и аккуратно положил его внутрь.

Потом нахмурился, вынул дневник, а следом вытащил все открытки и письма, что хранились в шкатулке. Скривившись, выбросил всё это в мусорку. Это были письма и поздравления от Ли Сяосяо. Им не место рядом с дневником Мэн Эня.

Семья Ли — друзья семьи Хань. Хотя юный Хань Чунъюань живёт в Сиане, он каждый раз встречается с милой и прекрасной девушкой Ли Сяосяо, когда приезжает к отцу в Пекин на Новый год или каникулы.

В отличие от большинства девушек в Сиане, Ли Сяосяо, выросшая в большой и богатой семье, отличалась особым нежным характером, была просто безумно привлекательна и вызывала у окружающих мальчишек временный ступор.

В своей школе она была непревзойдённым Школьным Цветком. Хань с девушкой часто обменивались подарками и письмами уже пару лет.

Однако то, что он считал когда-то великим сокровищем, сейчас в его глазах было хуже дерьма.

Убрав шкатулку в сейф, Хань Чунъюань вернулся в спальню и стал слушать, как Мэн Энь старательно читает на английском.

Голос мальчика в период слома немного хриплый, но, по сравнению с сиплым голосом из прошлой жизни, он очень... приятный.

— Убирай книгу, пошли ужинать.

— Да, — мелкий вскочил из-за стола.

Когда ребята спустились вниз, ужин уже был почти готов, а Цзянь Мо общалась со своим братом Цзян Суном в гостиной.

По долетевшим фразам Хань Чунъюань понял, что дядя прибежал сюда, узнав о том, что сестра ездила в больницу.

В отличие от Ли Сяосяо и кузена Хань Синьмяо, дядя Сун просто обворовал их компанию «Хуаюань». И при этом он был довольно добрым человеком и никому не причинил серьёзного вреда.

Пусть им занимается мама. Это её младший брат и её проблемы. В будущем Хань решил просто игнорировать дядю. Как и сейчас — племянник просто прошёл мимо, не обратив на дядю внимания.

А дядю это задело.

— Что не так с Сяо Юанем? — Цзянь Сун озадаченно посмотрел на сестру. — Он даже не поздоровался со мной. А как в детстве кричал, что больше всех любит своего дядю Сусу!

(прим. пер. — Да! У меня тоже уже течёт крыша от обилия имён. Вместе с этой главой выложил пояснялку — кто кому и что почём[]).

— Видимо, начался подростковый бунт, — с трудом выкрутилась сестра.

— О! Мой племяш бунтует? — обеспокоенно спросил Цзянь Сун. — И... Он всё ещё с тем мальчиком? Ему и правда нравятся... парни?

— Хотела бы я сама знать, — махнула рукой Цзянь Мо. — Оставь их в покое! Сегодня у меня дома много дел, поэтому... Езжай к себе, ладно?

— Конечно-конечно, — быстро согласился брат. Он никогда не перечил сестре. Сун её даже немного побаивался. — Сестрёнка Мо, я ухожу. Заеду к тебе завтра утром.

— Хорошо! Пока-пока! — у Цзянь Мо уже не было сил общаться с ним. Обида за предательство, грусть и привязанность к младшему брату — всё смешалось в душе женщины. Она хотела чуть отдохнуть и подумать об этом позже.

Брат ушёл, а Цзянь Мо села за обеденный стол рядом с сыном:

— С твоим дядей понятно, но завтра прилетит отец. Пожалуйста, не веди себя так же холодно с ним.

— Хорошо, — согласился Хань Чунъюань. — Но объятий и поцелуев точно не будет. Как и криков «папочка приехал».

После пожара, когда сгорела клиника, отец даже не искал его. Вместо этого папарацци часто фотографировали отца, когда тот водил в парк развлечений маленького Фуэра, сына Ли Сяосяо.

— Сын...

— Ма, ты так сильно по нему скучаешь. Завтра операция, да? Возможно, он не прилетит, — Хань усмехнулся и стал подкладывать Мэн Эню разные блюда.

Ужин получился снова лёгкий, полный отварных овощей и чашек с куриным бульоном. Но Мэн Энь очень быстро почувствовал себя сытым.

Мелкий с радостью съел всё, что подсовывал Хань. Затем его снова потащили наверх, в спальню. На этот раз Хань Чунъюань отложил учебники в сторону и сразу затащил Эня в постель... смотреть телевизор.

В DVD-плеер был вставлен диск, и вскоре на экране появился логотип Диснея.

У мультфильма на английском языке не было субтитров, и о происходящем можно было догадываться только по картинке. Мэн Энь редко видел мультфильмы. И хотя он сейчас практически ничего не понимал, но не мог отвести глаз от экрана с весёлой музыкой и забавными персонажами.

Хань Чунъюань несколько минут наблюдал за ним, а потом взял ноутбук и занялся работой.

Пока на большом экране плясали и пели блюда и стаканы, парень сжато записывал многое из того, что помнил по прошлой жизни.

И это было только начало.

<http://bllate.org/book/13884/1224079>